

ВИЗУАЛЬНАЯ АКСИОЛОГИЯ ПОСТ-КИЕВСКОЙ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

С. С. Аванесов

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Россия

iskiteam@yandex.ru

Исследуется аксиологическая трансформация ведущей градостроительной модели русского Средневековья во второй половине XII века. Показано, что строительная программа Андрея Боголюбского, призванная решить задачу архитектурного оформления идеи приоритета Владимира над Киевом, обусловила ориентацию на западные архитектурные образцы, претерпевшие тем не менее очевидную адаптацию к сложившейся русско-византийской художественной традиции. Выражая вполне определённые идеологические приоритеты князя и княжества, городская среда Владимира приобрела визуально фиксированную аксиологическую окраску. Эта новая для Руси аксиология свидетельствует о начавшейся трансформации исходной русской градостроительной модели: перенос святости постепенно теряет свой исключительный культурно-семиотический смысл, приобретая подчёркнутый политический акцент. Именно поэтому город-прототип, потеряв свой сакральный характер, утрачивает и свою прежнюю ценность, а следовательно, подлежит безжалостному уничтожению. Целенаправленная, осмысленная попытка князя Андрея отнять у Киева характер и функцию «Иерусалима», построить новый город как альтернативу старому сакральному центру демонстрирует начавшуюся деструкцию иерусалимской урбанистической матрицы и закладывает первоначальное основание под будущую теорию «третьего Рима».

Ключевые слова: средневековый урбанизм, аксиология города, русские градостроительные модели, сакральная семиотика городского пространства, Северо-Восточная Русь, Владимир, Андрей Боголюбский, романская архитектура, «третий Рим».

VISUAL AXIOLOGY OF THE POST-KIEV URBAN MODEL

Sergey S. Avanesov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russian Federation
iskiteam@yandex.ru

The article is dedicated to the study of the axiological transformation of the leading urban planning model of the Russian Middle Ages in the second half of the 12th century. The article shows that the construction program of Andrei Bogolyubsky, which was supposed to solve the problem of architectural design of the idea of Vladimir's priority over Kiev, led to an orientation towards Western architectural samples, which, nevertheless, underwent an obvious adaptation to the established Russian-Byzantine artistic tradition. Expressing quite clear ideological priorities of the duke and dukedom, the urban environment of Vladimir acquired a visually fixed axiological peculiarity. This axiology, new for Russia, indicates the start of the original Russian urban planning model transformation: the transformation of sacredness is gradually losing its exclusive cultural and semiotic meaning, and acquiring a vivid political emphasis. That is why the prototype-city, having lost its sacred character, loses its former value and therefore becomes a subject to cruel destruction. The purposeful and meaningful attempt of Duke Andrei to deprive Kiev of the character and function of "Jerusalem" and to build a new city as an alternative to the old sacred center demonstrates the beginning of destruction of the Jerusalem urban matrix and lays the initial foundation for the future theory of the "third Rome".

Keywords: medieval urbanism, axiology of city, Russian urban planning models, sacred semiotics of urban space, North-Eastern Russia, city of Vladimir, Andrei Bogolyubsky, Romanesque architecture, "third Rome".

DOI 10.23951/2312-7899-2022-1-24-40

Градостроительная практика средневековой Руси основывается на идее города как сакрального текста, который создаётся с помощью конкретных архитектурных форм (семантика) и их пространственной композиции (синтаксис). Такой визуальный текст репрезентирует определённые ценности и смыслы, а также продуцирует деятельность в соответствии с этими ценностями и смыслами (прагматика). Иначе говоря, традиционный русский город, то есть город в хронологическом промежутке между крещением Руси и наступлением «имперского» этапа русской истории, конструируется

и функционирует как семиотический топос, «размеченный» с помощью мировоззренчески значимых визуальных ориентиров.

Ключевым, многократно повторяющимся содержанием городского текста в средневековой Руси является Иерусалим – прототип любого христианского города, место сосредоточения святости. Город в Палестине выступает эталоном (образцом) сочетания городской планировки с теми историческими событиями, которые с ней напрямую связаны, а самое главное – с тем сакральным, метафизическим смыслом, которым наполнены эти события. Создание всякого нового города в соответствии с названным урбанистическим эталоном воспринимается как своего рода «перенесение», «распространение» тех смыслов и экзистенциальных ценностей, которые прочно связаны с самой *формой* прототипа. Именно по такой идеологической матрице построены все «новые Иерусалимы», включая, разумеется, и Киев – первую общерусскую столицу, «второй Константинополь».

Иерусалимская урбанистическая модель, положенная в основу русского средневекового градостроительства, выявлена и изучена достаточно подробно. При этом на Руси, как известно, получила распространение ещё одна организационная идея, фиксирующая внимание уже не на Иерусалиме, а на Риме. Концепт «третьего Рима» предполагает серьёзный слом иерусалимской идеи, а именно отказ от представления о *распространении, умножении священного топоса* в пользу представления о *переходе центра власти с места на место* [Аванесов 2017, 33]. Конфликт двух фундаментальных градостроительных идей, связанный с исторической трансформацией мировоззрения и выразившийся в радикальной смене отечественной урбанистической парадигмы, всё ещё недостаточно артикулирован и исследован.

Идея Москвы как «третьего Рима», по-видимому, имела достаточно глубокие исторические предпосылки. Их можно обнаружить не столько в виде готовых концепций, сколько в формах конкретной градостроительной практики, ещё точнее – в той общей идеологии, которая лежала в основании этой практики. Анализируя такую идеологию и её урбанистические приложения в истории русского градостроительства, можно обнаружить своеобразную «римскую» тенденцию, вступающую во всё более активный конфликт с тенденцией «иерусалимской». Первая из них и оформляется к XVI веку в качестве доктрины «третьего Рима», обобщающей и формулирующей уже сложившуюся, но до сих пор логически не обоснованную прагматику.

Первые ростки «римской» урбанистической тенденции можно заметить уже в XII веке, когда культурная установка на общее соответствие иерусалимскому градостроительному эталону начинает уступать политической установке на соперничество с Киевом. Если новгородская градостроительная схема ещё соответствует синхронной иеротопике Киева–Константинополя–Иерусалима, то пост-киевские урбанистические программы начинают от неё отходить. Это ещё, конечно, не сознательное избрание Рима образцом вместо Иерусалима (и «Иерусалимов»); это пока что своего рода «коррозия» базовой модели – та «коррозия», которая от проникновения «римских» мотиваций в «иерусалимскую» парадигму постепенно приведёт к полному отказу от Иерусалима в пользу Рима.

Одним из первых и ярчайших примеров частичного отступления от киевской (или киевско-новгородской) градостроительной идеологии является программа, реализованная во Владимире князем Андреем Юрьевичем Боголюбским (ок. 1111–1174). Будучи посажен отцом в Вышгороде под Киевом, Андрей в 1155 году оставляет этот город и переносит свой княжеский стол во Владимир [Воронин 1967, 15], в то время небольшой «заштатный город» [Солнцев 2016, 90], стремясь утвердить его в качестве нового политического и сакрального центра Русской земли [Вагнер 1988, 199]. Ко времени переезда князя Андрея на Клязьму город Владимир только начинал формироваться, хотя, согласно Никоновскому летописному своду, ещё в 991 году сам креститель Руси князь Владимир Святославич с двумя епископами посетил Суздальскую землю, крестил её обитателей и «основал там город во имя своё» – Владимир: «Въ лѣто 6500. Ходи Володимеръ въ Суздадскую землю, и тамо крести всѣхъ; бѣ же съ Володимеромъ два епископа Фотѣа патріарха. И заложил тамо градъ въ свое имя Володимеръ, на рѣцѣ на Клязмѣ, и церковь въ немъ поставил древяну Пречистыя Богородици <...>. И бысть благочестіе велие, и сіаше вѣра христіанская яко солнце, и день ото дне напредь успѣваше» [ПСРЛ 1862, 64].

Однако сообщения летописей об этом событии вряд ли являются достоверными. Рассказы такого рода относятся «к позднейшим местным преданиям, цель которых – удревнить христианскую историю своего города или края, а ещё лучше – связать её со временами Крестителя Руси» [Карпов 2015, 269–270]. Исследования историков с несомненностью доказали, что на самом деле город Владимир-на-Клязьме был основан Владимиром Мономахом [Гуляницкий 1993, 15], правнуком Владимира Святославича и внуком Ярослава Мудрого, в конце XI или, ещё вероятнее, в начале XII века. Именно

Владимир Мономах возвёл здесь первую крепость в 1108 году, а на её территории, «на высоком краю города над Клязьмой, Мономах построил первую каменную церковь Спаса»; эта крепость и стала «ядром будущей столицы Северо-Восточной Руси» [Воронин 1967, 14–15]. Возможно, предание, приписывающее основание города святому Владимиру Крестителю, начало складываться уже в XII веке, как раз при князе Андрее Боголюбском, по своей воле сделавшем Владимир стольным городом «в противовес древним Суздалью и Ростову» [Карпов 2015, 270–271], что потребовало несколько «удревнить» его историю.

В свою очередь, сын Владимира Мономаха и отец Андрея Боголюбского, князь Юрий Долгорукий, продолжил формирование ядра архитектурного ансамбля Владимира: он построил новый княжеский двор с белокаменной церковью, посвящённой княжескому патрону – святому Георгию¹; этот двор «занял высокую точку на краю южных склонов городской горы к западу от крепости Мономаха» [Воронин 1967, 15]. Однако наибольшая заслуга в реализации собственно владимирской градостроительной программы как таковой принадлежит, несомненно, князю Андрею Боголюбскому, а также его младшему брату, князю Всеволоду Большое Гнездо (1154–1212), который выступил в качестве продолжателя его дела [Гуляницкий 1993, 15]. Именно в этой – в целом пока ещё вполне «иерусалимской» – программе обнаруживаются первые на почве русской урбанистической культуры инородные «римские» тенденции.

Чтобы выявить эти тенденции, необходимо концептуальное осмысление созданной во Владимире городской среды «как единого пространственного комплекса, раскрывающего суть мировоззренческих установок создателей средневековых архитектурных шедевров и самого общества в целом, сознание которого отразилось в данных историко-культурных памятниках» [Солнцев 2012, 275]. Затем требуется обозначить те элементы общего замысла (и, соответственно, конкретные практические шаги по реализации этих элементов), которые вполне соответствуют киевской / иерусалимской градостроительной парадигме, воспроизводят и отчасти развивают её. Наконец, следует выявить такие составляющие владимирской программы, которые находятся в противоречии с иерусалимской градостроительной матрицей, показать их смысловую и аксиологическую природу и определить степень их разлагающего влияния на первоначальную урбанистическую парадигму. Учитывая, что

¹ О проблеме датировки названного храма см.: Воронин 1961, 91–92; Иоаннисян 1985, 142–145.

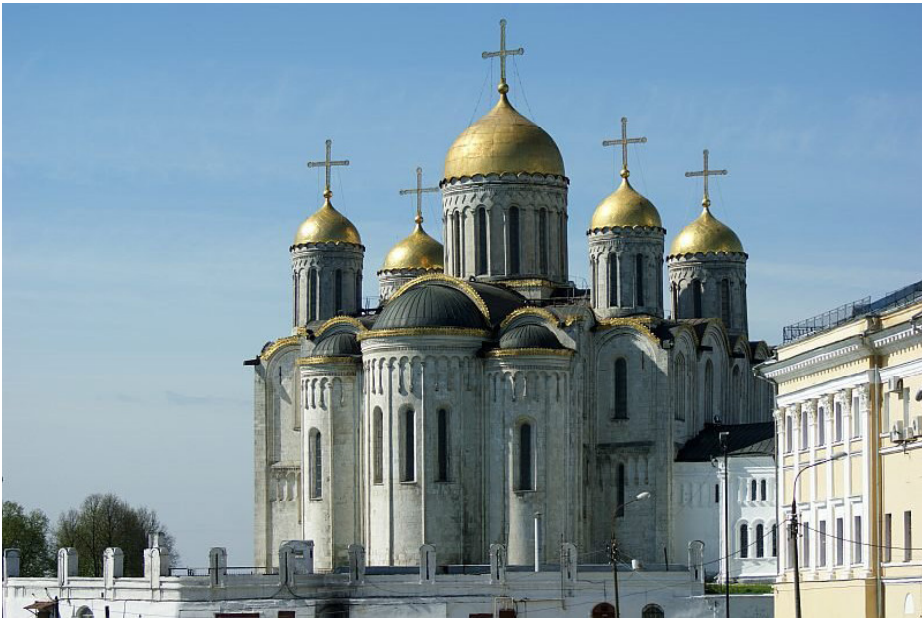
общий характер владимирской градостроительной программы Андрея Боголюбского многократно и достаточно полно описан [Вагнер 1988; Аверьянова 2002], а также признавая, что «иерусалимское» содержание этой программы в научной литературе признано и убедительно аргументировано [Солнцев 2012], постараемся сосредоточить внимание на признаках *деформации* первоначальной модели в направлении её «романизации».

Переезд князя Андрея Юрьевича из Поднепровья в Залесье осмысляется и визуально репрезентируется им самим не как перенос «стола» из одного второстепенного городка в другой, но как *основание новой столицы Руси*. Речь идёт не о случайной прихоти, а о продуманном, «серьёзном программном выборе» [Вагнер 1988, 199], подчиняющем себе все будущие решения и действия князя. Именно в связи с этой базовой концептуальной установкой (миссией) в градостроительной инициативе Андрея оформляются две новые линии, развивающие и одновременно размывающие исходную («иерусалимскую») урбанистическую модель: (1) отход от византийской / киевской архитектурной традиции в сторону европейской «романики» (и дело здесь не столько в формальном созвучии романского стиля и «Рима», сколько в сути происходящей смены вектора – вместо ориентации на образец принимается установка на соперничество с Киевом и Новгородом); (2) акцентуация события основания города как акта *перемещения* эпицентра святости с опорой на *ветхозаветные* образцы (Давид и Соломон, которым уже не устанавливаются, как ранее, христианские соответствия – Константин и Юстиниан, Владимир и Ярослав).

Первый из названных шагов, наглядно демонстрирующих перемену ценностной ориентации с преемственности на конкуренцию, – это перенесение на русскую почву западных (романских) архитектурных образцов. Изначальные строители Владимира – киевские князья Владимир Мономах и Юрий Долгорукий – целиком ориентировались на привычный им византийский архитектурный стиль в его «киевском» изводе. Северо-Восток Руси был для них дальним уделом, «Залесьем», провинцией, тем местом, куда они пристраивали («сажали») младших сыновей. Логично и естественно, что архитектура первых каменных храмов в Суздале (ок. 1101–1102), Кидекше (1152) и Переславле-Залесском (1152–1157) ещё «сохраняла преемственную связь с архитектурой Приднепровья», а строительная техника «не отличалась от применявшейся в Киеве в XI веке» [Максимов 1976, 54], то есть восходила к византийским образцам и приёмам. Иначе говоря, и архитектура, и конструктивные характеристики

первых храмов Северо-Востока демонстрировали *принадлежность* этих земель Киеву – и как политическому центру, и как законодателю художественной традиции.

Храмы Владимиро-Суздальской земли времени Андрея Боголюбского создавались уже «не византийскими, а более редкими на Руси западными зодчими» [Воскобойников 2014, 427]. Прежде всего это было обусловлено стремлением князя Андрея подчеркнуть своё обособление от Киева с его устойчиво византийской традицией, положить начало новой, собственной, независимой традиции. Это была совершенно новая, только что возникшая задача, оформлявшая линию на конкуренцию со старым «центром силы» и замещение прежней культурной доминанты, а не на её умножение путём распространения на новые территории. В этой связи уже первый Успенский собор во Владимире (1158–1160) так сильно отличается от ранее возведённых здесь сооружений, что приходится сосредоточивать внимание «на тех особых задачах, которые вызвали это различие» [Максимов 1976, 59]. Речь идёт прежде всего о величине собора и его архитектурно-конструктивных особенностях, посредством которых выражаются его оригинальные семантические функции.

Ил. 1. Собор Успения Пресвятой Богородицы. Владимир, 1160 / 1189. Фото: Сергей Духанин, 2008. Источник: <http://photogoroda.com/foto-28392-uspenskij-sobor.html>

Собор Успения Пресвятой Богородицы во Владимире (ил. 1) был, с одной стороны, традиционным шестистолпным храмом, как, например, Успенский собор Киево-Печерского монастыря 1073–1076 гг. [Гуляницкий 1993, 16] – эталон подобных церквей на Руси [Раппопорт 1986, 43], однако, с другой стороны, в особенностях его конструкции и внешнего облика уже заметен переход к последующим княжеским храмам Северо-Востока с их отчётливо выраженным вертикализмом. В частности, в интерьере собора его высоту подчёркивает крестообразная в плане форма столпов, а пролёты между ними по своим пропорциям (1:3,75) «более близки к пролётам таких башнеобразных построек, как смоленская Михаило-Архангельская церковь, чем обычных храмов Приднепровья» [Максимов 1976, 60]. Физическая высота Успенского собора равна высоте киевской Софии [Воронин 1967, 44] или даже превышает её [Максимов 1976, 59], что также неслучайно: Владимир должен был по статусу сравняться с Киевом и превзойти его, что и было подчёркнуто величиной главного соборного храма Северо-Востока. При перестройке собора Всеволодом были добавлены галереи и угловые главы, что сделало храм фактически пятинефным, ещё более уподобив его софийским соборам Киева, Новгорода и Полоцка [Комеч 2002, 250], сравнив с ними по силе эмоционального воздействия [Вагнер 1980, XIV]. Так мотив следования образцу дополняется мотивом конкуренции, *перехвата славы*. Старая «иерусалимская» тема начинает диссонировать с новой, «римской».

Однако не только масштаб сакральных сооружений должен был подчёркивать новый порядок устройства Русской земли, её будущую сакральную топографию. Князьями Андреем и Всеволодом этот порядок утверждался также путём ориентации на западноевропейский *архитектурный* опыт. Можно с большой долей уверенности утверждать о привлечении к реализации владимирской градостроительной программы зодчих из Европы, которые принесли на Русь «романские строительные приёмы» [Бондаренко 2017, 502] и западные навыки храмовой декорации. Для выполнения грандиозной программы обустройства новой русской столицы было явно недостаточно «местных мастеров, выросших на строительстве Юрия Долгорукого» [Воронин 1967, 39], но при этом важно, что новые мастера были приглашены вовсе не из Поднепровья, а с Запада: «...и приведе ему Богъ изъ всѣхъ земель мастера» [ПСРЛ 1846, 150]. В их составе не было специалистов в области византийской кирпичной кладки [Воронин 1961, 330]. Это были по преимуществу

мастера белокаменной техники с романского Запада, присланные ко двору князя Андрея якобы императором Фридрихом Барбаросой [Воронин 1967, 39]. Действительно, «язык архитектуры Владимира второй половины XII в. имеет родство <...> с верхнерейнскими постройками, что подтверждает сообщения летописей о приглашении мастеров от Фридриха Барбароссы» [Комеч 1997, 15]. Во всяком случае в ключевых постройках времени Андрея Боголюбского «романские элементы очевидны» [Воронин 1961, 332]. Названный факт демонстрирует суть программного выбора Андрея Боголюбского: путь к усилению самостоятельности Северо-Востока и установлению его господства во всей Русской земле, включая Киевские и Новгородские владения [Максимов 1976, 59]. Привлечение князем Андреем западных мастеров «было в известной мере демонстрацией отказа от киевской помощи и киевских художественных традиций» [Воронин 1967, 39] (ср.: [Воронин 1961, 336]), наглядным выражением смены приоритетов и принятия курса на конкурентную борьбу со старыми столицами, вплоть до их прямого завоевания.

Влияние романского архитектурного стиля на зодчество Владимира второй половины XII века не подлежит сомнению. Аркатурно-колончатые пояса, перспективные порталы, пучковые пилястры и прочие так называемые «романские детали» [Кудрявцева 1975, 30], а отчасти и сами фундаментальные принципы сочетания объёмов указывают на связь построек Андрея Боголюбского с соборами в Вормсе, Шпайере и Майнце [Комеч 2002, 246], замками XII века между Рейном и Эльбой [Воронин 1961, 332–334], собором аббатства Святой Марии в Лаахе [Кудрявцева 1975, 35] и другими романскими сооружениями. Стиль наружной резьбы демонстрирует сходство с пластикой Верхней Италии, Ломбардии² и, вероятно, Балкан [Воронин 1961, 335–336]. При этом европейские заимствования не просто переносятся на русскую почву³, но приспосабливаются к уже сложившейся художественно-выразительной системе.

² Именно Северная Италия сохранила традиции архитектурной декорации фасадов церквей Милана и Равенны IV–VII веков; эти традиции сформировали в Ломбардии особый стиль архитектоники и пластики, заимствованный и освоенный затем немецкой архитектурой рубежа XI–XII веков, создавшей «новый образец синтеза объёмно-пространственного и пластического начал» [Комеч 1997, 14–15]. Итальянские архитектурно-художественные формы выступают «совместными прообразами» как для памятников Верхнего Рейна XI–XII веков, так и для владимирского Успенского собора [Комеч 2002, 245].

³ По одной из версий, европейская архитектурная традиция была перенесена во Владимир уже в адаптированном состоянии, поскольку в качестве *западных* мастеров выступали зодчие из Галича, ранее освоившие романскую традицию, пришедшую к ним, в свою очередь, из Польши [Иоаннисян 1985, 144].

Ил. 2. Храм Покрова на Нерли. Южный портал. Фото: Дмитрий Кашканов, 2019.
Источник: <http://myoldtown.ru/index.php/objects/monuments/nn-monuments/nerl/nanerli-4724>

Так, например, перспективный портал, «излюбленный приём романики» [Кудрявцева 1975, 33], сохраняя свою эстетическую нагрузку и свой семантический смысл (в качестве символа перехода из профанного пространства в сакральное), играет совершенно иную роль в синтаксическом строе владимирского фасада (ил. 2). Здесь он никогда не превращается в главный элемент фасадной композиции, что было, наоборот, общим местом романской архитектуры, в которой размеры портала подчеркнута преувеличены, как бы противопоставлены другим элементам декора, дверному проёму и всей плоскости стены [Максимов 1976, 82–84]. В храмах Северо-Восточной Руси портал не является «доминантой в композиции фасада» и не имеет такого подчеркнута обособленного значения, как в романике; он, скорее, «вписывается» в арочный ритм аркатурного пояса, закомарных покрытий и купола», участвуя в создании целостного облика русского крестово-купольного храма [Кудрявцева 1975, 34–35]. Если на Западе портал – это доминанта фасада, не имеющая никакого архитектурного «отзвука» в других формах

экстерьера базилики [Максимов 1976, 82], то на Руси – более скромная, но весьма значимая деталь согласованной общей композиции. Такое расхождение обусловлено, по-видимому, различной трактовкой образа храма на Западе и на Востоке (ср.: [Кудрявцева 1975, 36]). В отличие от идеи строгой иерархичности, свойственной западному богословскому мышлению, определявшему, помимо прочего, и архитектуру храмовых построек, для восточного христианства характерна идея гармонии (синергии), отразившаяся и в компоновке объёмов храма, и в его декоре, а также дополнительно подчёркнутая рельефным изображением собора всей твари на фасадах. Этим и обусловлена специфическая роль портала в совокупном облике владимирского храма.

То же самое можно сказать и о знаменитом боголюбовском кивории, к сожалению, не сохранившемся. Нет сомнений, что октагональный в плане киворий был построен «романскими мастерами, прибывшими ко двору князя Андрея Боголюбского из Германии или из Италии» [Седов 2014, 110]. Однако, хотя князь, можно сказать, в данном случае и «не устоял перед дворцовыми формами романского характера», всё же он использовал их «в весьма своеобразном преломлении» [Вагнер 1988, 199]. Дело в том, что аналоги (или даже прототипы) этого сооружения можно обнаружить именно в византийском культурном ареале. Подобный фиал находился в составе комплекса Софии Константинопольской и был расположен относительно собора так же, как и киворий князя Андрея относительно храма Рождества Богородицы. В том же Константинополе при раскопках в квартале Манганы были обнаружены основания храма монастыря святого Георгия, сооружённого при императоре Константине IX (1042–1059); перед западным фасадом этого большого храма располагался прямоугольный продолговатый атриум, примерно в середине которого на главной оси храма размещался фиал восьмигранной формы с колоннами на углах и бассейном посередине. В отношении боголюбовского кивория эти сооружения могли выступать в качестве принципиальных (хотя, может быть, и не прямых) образцов [Седов 2017, 401]. В сербском монастыре Студеница в конце XII века также был построен «фиал с киворием <...>, стоявший до постройки притвора XIII века в такой же позиции, что и киворий Боголюбова: к западу (с отклонением к юго-западу) от собора»; как и в Боголюбове, этот киворий сооружён «западными, романскими мастерами, но по византийским образцам» [Седов 2017, 401–403]. Похоже, что подобный фиал был установлен князем Даниилом Галицким перед храмом Святой Марии в городе Холм

[Седов 2017, 399], однако случилось это столетием позже. В средневековой Руси, по указанию Вл. В. Седова, известно лишь одно подобное сооружение: в 1409 году по заказу архиепископа Иоанна у Софийского собора в Новгороде был построен каменный «теремец» для освящения воды [Седов 2017, 399]: «Въ лѣто 6917. <...> Постави владыка Иоан теремецъ камень, идеже воду свящаютъ на всякыи мѣсяць» [Насонов 1950, 401]. В дальнейшем такие постройки стали регулярным элементом русского монастырского пространства [Седов 2014, 111]. Весь этот круг восточно-христианских аналогий даёт основания предполагать, что боголюбовский киворий хотя и был создан «романскими мастерами», но по «византийским, православным образцам», которые и имел в виду его главный заказчик [Седов 2017, 403, 412], князь Андрей Юрьевич.

При этом надо иметь в виду, что для князя Андрея задача, судя по всему, заключалась в том, чтобы, явно противопоставив своё строительство киевскому, одновременно остаться в границах общей восточно-православной традиции, восходящей к Византии. Эта позиция князя подтверждается тем, что «мастера князя Андрея во всех своих сооружениях культового назначения прочно держались крестово-купольной системы, хотя их романская выучка того не требовала» [Вагнер 1988, 199]. Те самые зодчие, которые в Западной Европе строили и украшали базилики, здесь возводят типичные для византийского культурного ареала центрические храмы. И, с другой стороны, «при сохранении византийской крестово-купольной системы ни одна постройка Владимира или Боголюбова не может быть названа провизантийской» [Вагнер 1988, 200], отсылая к западным (романским) образцам. В результате мы видим уникальный «сплав византийских и романских форм» [Комеч 2002, 251], в котором русское художественное начало не подавлено западным, но творчески с ним сопряжено.

Эта линия на *контролируемое сочетание инновации с традицией* была удержана и после убийства Андрея Боголюбского в 1174 году. Так, при перестройке Успенского собора Всеволодом в 1185–1189 годах композиция храма «приобрела ступенчатую яркость, характерную для храмов XI–XII веков, в частности для крупнейших из них – Десятинной церкви и Софийского собора в Киеве», в чём можно видеть сохранившееся желание подражать «прославленным зданиям днепровской столицы», а не только стремление «превзойти их» [Воронин 1967, 61–62]. Вертикальные членения главного барабана Успенского собора в виде 24 тонких колонок, соединённых арками, указывают на сознательное подражание таким постройкам

XI века, как киевский Софийский и черниговский Спасский соборы [Максимов 1976, 61]. Ориентация на киевские образцы не была, конечно, полностью и окончательно прервана; она была серьёзно скорректирована сильнейшим романским художественно-стилистическим влиянием.

Наконец, владимирская архитектура периода княжения Андрея Боголюбского характеризуется подчёркнутым вниманием к убранству храмовых фасадов, что составляет основную и, так сказать, «фамильную» отличительную черту произведений зодчества Северо-Восточной Руси (ср.: [Максимов 1976, 80]). При этом романская архитектура не знает такого обилия скульптуры на фасадах⁴. При близости некоторых сюжетов и отдельных изображений к романским «значение скульптурных украшений для фасадов было здесь совсем иным, чем на Западе. Словом, если отдельные декоративные мотивы построек Северо-Восточной Руси XII – начала XIII в. и были близки романским, то методы их применения для повышения художественной выразительности облика зданий были свойственны лишь русской архитектуре» [Максимов 1976, 84]. Однако семиотическая специфика рельефной декорации владимирских храмов эпохи Андрея и Всеволода – это отдельная тема, требующая специальной разработки.

Разгром и разграбление Киева в 1169 году и попытка захвата Новгорода в 1170 (ил. 3) суть прямое военно-политическое выражение «римской» идеологической установки князя Андрея Боголюбского. Владимирский архитектурный ансамбль, в котором каждое сооружение в отдельности и вся их композиция в целом подчинены отчётливой аксиологической установке, строится не только по линии трансфера святости, но и одновременно по матрице *translatio imperii*. Центр русского мира должен перейти на новое место – вслед за его «палладиумом», иконой Пресвятой Богородицы, превратившейся во «Владимирскую» из «Вышгородской». Поэтому и Киев теперь не достоин восхищения, уважения или жалости: киевская «сила» должна перейти на новое место, а старому Киеву уже не бывать. Две разнонаправленные градостроительные модели – иерусалим-

⁴ Этот факт, конечно, нуждается в дополнительном объяснении. Оганес Халпахчян даже «посвятил специальную книгу обоснованию предположения о том, что белокаменные владими́ро-суздальские храмы возводились при активном участии армянских мастеров, хотя это предположение не было принято большинством специалистов по архитектуре древней Руси» [Бондаренко 2017, 502] (см.: [Халпахчян 1977]). Некоторыми учёными предполагается, что с русским Северо-Востоком (как и с Новгородским регионом) активно контактировали армяне-халкидониты [Арутюнова-Фиданиян 2019, 19–22]. О возможных связях владими́ро-суздальских рельефных декораций с искусством Кавказа см.: [Маммаев 2009].

ская и римская – здесь, в культурном пространстве Владимира конца XII века, пока ещё сплетены друг с другом. Однако концепт распространения сакрального топоса уже терпит явный ущерб со стороны идеи перемещения центра силы. Отсюда начинается прямой путь к концепции Москвы как третьего Рима, к попытке вывести «Иерусалим» за пределы столицы при патриархе Никоне и, наконец, к созданию новой, уже однозначно «римской» столицы на берегах Невы.

Ил. 3. Битва новгородцев с суздальцами в 1170 году (Чудо от иконы Богоматери «Знамение»). Сер. XV в. Новгородский государственный объединённый музей-заповедник. Источник: <https://novgorod-iss.kamiscloud.ru/entity/ALBUM/5132663?page=2&index=62>

Итак, строительная программа Андрея Боголюбского, призванная решить задачу архитектурного оформления идеи «приоритета Владимира над Киевом» [Иоаннисян 1985, 145], обусловила ориентацию на западные архитектурные образцы, претерпевшие тем не менее очевидную адаптацию к сложившейся русско-византийской художественной традиции. Выражая вполне определённые идеологические приоритеты князя и княжества, городская среда Владимира приобрела визуально фиксированную *аксиологическую* окраску. Эта новая для Руси аксиология свидетельствует о начавшейся трансформации исходной русской градостроительной модели: перенос святости постепенно теряет свой исключительный культурно-семиотический смысл, приобретая подчёркнутый политический акцент. Именно поэтому город-прототип, потеряв свой сакральный характер, утрачивает и свою прежнюю ценность, а следовательно, подлежит безжалостному уничтожению. Целенаправленная, осмысленная попытка князя Андрея *отнять* у Киева характер и функцию «Иерусалима» [Солнцев 2016, 90], построить новый город как «альтернативу» старому сакральному центру [Солнцев 2012, 276–280] демонстрирует начавшуюся деструкцию иерусалимской урбанистической матрицы и закладывает первоначальное основание под будущую теорию «третьего Рима».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2017 – Аванесов С. С. Сакральная топика русского города (3). Семантика интерьера Софийского собора // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 2 (12). С. 30–78.
- Аверьянова 2002 – Аверьянова Ю. В. Отражение софийной идеи домостроительства в «Повести об убиении Андрея Боголюбского» // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2002. № 1 (7). С. 90–94.
- Арутюнова-Фиданян 2019 – Арутюнова-Фиданян В. А. Контакты древней Руси и Армении. Начало // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III, Филология. 2019. Вып. 61. С. 11–27.
- Бондаренко 2017 – Бондаренко И. А. Теория в истории архитектуры и градостроительства. СПб.: Коло, 2017.
- Вагнер 1980 – Вагнер Г. К. Старые русские города. М.: Искусство, 1980.
- Вагнер 1988 – Вагнер Г. К. Архитектурная программа Андрея Боголюбского // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 198–201.

- Воронин 1961 – *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Т. 1: XII столетие.
- Воронин 1967 – *Воронин Н. Н.* Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. М.: Искусство, 1967.
- Воскобойников 2014 – *Воскобойников О. С.* Тысячелетнее царство (300–1300): очерк христианской культуры Запада. М.: Новое лит. обозрение, 2014.
- Гуляницкий 1993 – *Древнерусское градостроительство X–XV веков / общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого.* М.: Стройиздат, 1993.
- Иоаннисян 1985 – *Иоаннисян О. М.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. // *Дубов И. В.* Города, величием сияющие. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1985. С. 140–180.
- Карпов 2015 – *Карпов А. Ю.* Владимир Святой. М.: Молодая гвардия, 2015. (Жизнь замечательных людей).
- Комеч 1997 – *Комеч А. И.* Архитектура Ломбардии и Верхнего Рейна XI–XII вв. (К проблемам русской «романики») // *Византия. Русь. Западная Европа. Искусство и культура.* СПб., 1997. С. 14–15.
- Комеч 2002 – *Комеч А. И.* Архитектура Владимира 1150–1180-х гг. Художественная природа и генезис «русской романики» // *Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. XII век.* СПб., 2002. С. 231–254.
- Кудрявцева 1975 – *Кудрявцева Т. П.* К вопросу о «романских» влияниях во владими́ро-суздальском зодчестве // *Архитектурное наследство.* М.: Стройиздат, 1975. Вып. 23. С. 30–36.
- Максимов 1976 – *Максимов П. Н.* Творческие методы древнерусских зодчих. М.: Стройиздат, 1976.
- Маммаев 2009 – *Маммаев М. М.* Дагестан и Владимиро-Суздальская Русь: к вопросу о сюжетно-тематическом параллелизме в искусстве // *Вестник Института истории, археологии и этнографии.* 2009. № 3. С. 85–113.
- Насонов 1950 – *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова.* М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.
- ПСРЛ 1846 – *Полное собрание русских летописей.* СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. Т. I.
- ПСРЛ 1862 – *Полное собрание русских летописей.* СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. Т. IX.
- Раппопорт 1986 – *Раппопорт П. А.* Зодчество древней Руси. Л.: Наука, 1986.
- Седов 2014 – *Седов Вл. В.* Боголюбовский киворий и его византийские аналоги // *Живоносный источник. Вода в иеротопии и ико-*

- нографии христианского мира. М., Ярославль: Филигрань, 2014. С. 110–111.
- Седов 2017 – *Седов Вл. В.* Боголюбовский киворий: фиал и проблема интерпретации комплекса // Святая вода в иеротопии и иконографии христианского мира / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Феория, 2017. С. 397–414.
- Солнцев 2012 – *Солнцев Н. И.* Концепт «Нового Иерусалима» в строительной инициативе Андрея Боголюбского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 4 (1). С. 275–281.
- Солнцев 2016 – *Солнцев Н. И.* К вопросу об обосновании причин создания архитектурного комплекса во Владимире-на-Клязьме // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 86–92.
- Халпахчян 1977 – *Халпахчян О. Х.* Культурные связи Владимиро-Суздальской Руси и Армении. М.: Стройиздат, 1977.

Материал поступил в редакцию 31.10.2021